

Звучит «Слово»

Я как-то пыталась поинтересоваться у жителей нашего города, сколько у нас в Тамбове литобъединений. Многие не могли назвать ни одного, другие называли «Радугу», объединение, созданное при нашей газете. А ведь есть и еще два — «Тропинка» — ведет ее поэтесса Валентина Дорожжина и литературная студия «Слово» при Доме работников просвещения, руководителем которой является тамбовский поэт и критик Сергей Вирюков.

О «Слове» я и хочу немного рассказать. Участники студии — молодые поэты и прозаики. Всех их объединяет тяга к художественному слову, разделяет — степень качества собственной работы со словом. Творчество их несет на себе печать своеобразия, поиска новых форм и выразительных средств. Профессионализм Сергея Вирюкова хранит студию от того, чтобы этот поиск — открытие, осмыс-

ление и усвоение вечных и непреходящих духовных ценностей — не подменялся пустым формализмом, филологическими охватами. Тут есть и игра, и эксперимент.

Что ценно — студии не становятся «сектантами», они ищут достойных слушателей. И аудитория их хотя и невелика, но это — их аудитория. Читают студии — и надо сказать, артистически — не только свое.

Литературная студия провела три вечера в библиотеке им. А. С. Пушкина «Из истории русского поэтического авангарда», познакомила слушателей с творчеством Д. Бурлюка, В. Каменского, В. Инбер, Б. Агапова, И. Сельвинского, Г. Оболдуева и других.

Ну, а вы, наши читатели, можете сегодня познакомиться с творчеством самих студийцев.

М. ФАДЕЕВА.

Марина ОСТОЛОПОВА

ЗАЗЕРКАЛЬЕ

В зазеркалье бродят тайны.	мы не будем узнавать.
Носят голоса печальны зазеркальности печать.	Нам не нужны эти тайны, тайны, что всегда печальны, как прощальный жест руки...
Кто там ждет, кого там любит, чья любовь кого погубит,	Нас там нет. Глаза зеркальны. Удаляются шаги.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

В подражанье Юнне Мориц

Я не хочу, чтоб плакала луна
 На этой мокрой бархатной картинке...
 Спокойно звезды светят по-старинке...
 Я не хочу, чтоб плакала луна.
 На этой вечной бархатной картинке,
 Помахивая звездчатым хвостом,
 Лежит медведица со звездочкой на спинке
 И лижет молоко, пролитое из крынки,
 Сто тысяч лет назад, сегодня и потом...
 Свет черно-бархатный и бархатисто-черный
 На этой вечной сумрачной картинке.
 Алмазно гаснут звезды по-старинке...
 Я не хочу, чтоб плакала луна!

В ЛЕСУ

Здесь тишина стучит в виски,
 И шорох снега лыжкам дорог.
 Здесь сосны дальние — близки,
 Раз на пути нет больших горок.
 Здесь дебри белые гихи,
 Снег на ветвях пушист и колок.
 И я читаю здесь стихи
 Толпе задумавших елок...
 Моя поэзия со мной!
 Рукописки не будет.
 Звенящий воздух губы студит,
 И тропка манит за собой.

Разволновался ветер,
 Забрисил на небо месяц,
 Образовался профиль,
 да загляделся в речку.
 Камыш качает волны.
 Минуты проходят съездов детство.
 И золотой слезою сползает лунный свет.

На бульваре гуляют собак,
 пахнет мокрой листвой и грибами,
 ают неба куски под ногами...
 На бульваре гуляют собак.
 Мячик солнца так розово чист!
 Им играет с утра детвора.
 Целый день, как неначатый лист,
 Что не хочется трогать с утра.
 Я огромную кисть принесла,
 Обманнула в небезную краску:
 «Это — нос, это — хвост, это лапы...
 Ура!»
 И собака сказала мне: «Здравствуй!»

Мы представляем творчество группы, назвавшей себя — творчество «В гостях у архиеерея». Алексей Медведев, Александр Арфеев, Александр Торосов, Гауф Туктаров — таков состав этой группы.

Ломайте головы читатели — кто они: «братки», «митьки» или еще кто-нибудь, к какому направлению отнести их работы. Радуйтесь или негодуйте, понимайте разумом или ощущайте. В общем, читайте и смотрите!

А, А, Р, Ф, Е, Е, В...

Евангелие — это благая весть,
 А совесть — это со-вeсть.

Я стою на асфальте
 головой в небесах
 и смотрю
 на проезжающие мимо троллейбусы
 мне кажется что в них
 происходит что-то очень важное
 и ускользающее
 от меня сейчас
 но когда-нибудь
 я в это верю
 я узнаю об этом

ведь дуга коромысла
 свисает
 и перед и за
 спиной

Сквозные улицы и площади и
 темные аллеи
 и все в предчувствии тьмы
 вокруг мои туманные затеи
 и среди них блуждаем мы
 хоть я тебя держу за руку
 ты постоянно обо что-то бьешься

лбом
 и причиняешь мне такую муку
 распушивая всех ворон кругом
 они взлетят считая что пора
 затаят нам небо множеством туш
 а мы спешим все сделать до утра
 разбрызгивая грязь последних луж
 скорей, скорей и мы уже бежим
 а ты слова читаешь на заборах
 а ты слова читаешь на заборах
 ты потерялся в наших разговорах
 взошла луна — меж нами тоньше
 связь
 она напряжена серебряной струною
 и света удивительная вязь
 вдруг зазвенит фальшиво за спиной

Золото упавшее в лазури
 перед стеклом
 в старинном ветхом доме
 я опускаю голову все ниже
 в невидимую погружаясь пыль
 кто здесь? — и скрип двери
 нарушил тишину
 низверг таиншуую темноту
 всех переходов лестниц коридоров
 на дно зрачков.
 и вспомнил я
 тебя
 бегущей к морю
 и растворяющейся
 в золоте без берегов

ЕДИНОВЕРЦАМ

Сомнамбулическое племя
 с единственным желанием — сойти
 с ума

у меня для вас найдется время
 и похос и сума

ПОМУ, КТО ЗАБЛУДИЛСЯ СРЕДИ НАС

Пространный город
 с зелеными куполами
 на берегах вонючей реки
 опущен в мой мозг
 и ты сегодня узнаешь
 как мы с тобой далеки
 но в этом
 не больше смысла
 чем в том
 что задумано мной

ЛЮДИ КОНЦА ВЕКА

Дожди сменялись туманами, годы текли за годами. Незаметно приспел конец XX века — и началось перестройки.

Смутное время — это словосочетание скоро будет привычным. Но почему-то именно в такое время больше и чаще появляются люди, которые чувствуют непрочность, шаткость мира особенно ярко. Им нужно выразить себя...

И поэтому по Тамбову ходит первый номер журнала «Неофит», выпущенного членами творчества «В гостях у архиеерея».

Самое появление этого журнала, очевидно, стало явлением в довольно тихой жизни областного центра. Самиздат смело пробивает себе дорогу — так можно было бы сказать, держа в руках журнал. Но, почему-то никому пока не пришла в голову

Карма

Высоко-высоко над большим городом, в доме на тихой улочке, в уютной мансарде жил Поэт.
 Каждый день Поэта приносило одно великодушное стихотворение. Но на следующее утро Поэт непременно сжигал его, считая недостаточно совершенным. Годы сменялись годами. Поэт не завелся семьей, детьми, и имя его ни о чем не говорили, а только каждый день появлялось еще одно стихотворение, несравненно лучшее, чем те, что были вчера.

Время накатывалось на обитель Поэта и уносило здоровье, силы, видимость достатка, но взамен давало мудрость.

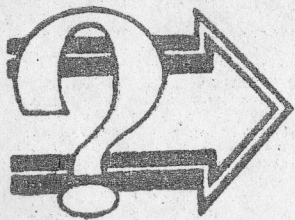
И вот пришла пора, когда не было Поэту равных. Об этом не знал никто — даже он сам.
 Но земное пребывание не вечно. Настал день, и Поэт умер. Он лежал в своей пустой комнате, на жесткой кровати — тихий и блаженный.
 И только на столе теплился еще пепел его последнего стихотворения. самого великого...

мысль назвать его самиздатским. Видно, слишком прочно сидит в наших головах мысль о необходимости «политического выполнения» таких изданий.

Члены же творчества (а они должны быть известны читателям по выставке молодых художников) считают, что искусство не должно быть связано с политической. Политики, будучи своего рода функцией идеологии, мертвят искусство. Кому-то это положение покажется спорным. Но, наверное, члены творчества не одиноки, когда сомневаются в необходимости связи искусства и политики. Мы ведь сейчас сомневаемся во всем, не только в свободе творчества. Говорят, сомнение разъедает душу. Но это не так. Сомнение не позволяет самодовольно и успокоенно топтаться на месте. Ощущение «разлаженности» жизни, сомнение в возможности приведения ее к гармонии — рано или поздно оформляется в задуманно-дисгармоничное произведение. И здесь будут правы те, кто назовет эту дисгармонию тоской по гармонии. (Окончание на 4-й стр.)

19 июля

Мы пытались вразброд по «берлоге»,
А картины висели в ряд,
Там мертво говорили о Боге,
Провода свой оккультный обряд.

Было вдоволь и смысла, и вкуса
Этим красочным простыням,
Если верили — лишь в Иисуса,
И молились ушедшим дням.

Пупер скреб по фактурке ногтем.
Ну а То, Чему нечем быть,
Посылало озноба иглолки,
Свое таинство мне сохранить.

Он стучит в дермантиновый щит
Восклицательным знаком,
Он проходит в соседний номер
К Слепому Хью.

И вернувшись, расскажет,
Что в воздухе пахнет прахом
Этой осенью в свете Concepts New.

Дай мне, Брат, зажаренную ланку.
Каннибалы каннибалом рознь.
Каждый раз в матерчатую ланку
Вписываю всякую их кознь,
А спустя, под сытым трап

гортаня,
Буду с распятым сажком опять
В Бельведифском золотом тумане
За тобой, Астрадушкой, гонять.

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

Из разговора с Александром Арфевым.

— Мои стихи настолько разные, насколько разный я сам. Они — отражение разных моментов духовного состояния, в данном случае — моего. Рифмованные стихи, верлибры — причина такого разнообразия и в этом.

— Как вы начали писать стихи?
— Это есть у всех людей, от рождения. Потом накапливается, накапливается еще — и ты словно просыпаешься... А лучше всего это объясняет восточная философия: в преддверии воплощения, «предсуществования», было что-то, что позволяет мне сегодня писать стихи...

Вот мы дошли и до восточной философии. И если удастся доказать, что искусство может существовать вне личности, то связи с религией и философией ему разорвать труднее. Признаюсь, работы членов творчества не произвели на меня впечатление «круто философских», это

Это почти невозможно. Невозможно потому, что не будет истории, культуры, сегодня, вчера, цивилизации, науки, народа. Его Закона, Знания, т. е. опоры. Это не есть рождение ребенка двадцати с лишним лет. В ребенке забытый опыт от прошлого Знания и впе-

реди будущий опыт знания до предела, в основном, навязанного.

Здесь, отказ от этого последующего с грузом прошлого, эту тяжесть нужно оставить (в дальнейшем).

«Ход по zero» — ничего в будущем и прошлом. Вот это почти невозможно. Почти — надежда.

ОСНОВНЫЕ МОМЕНТЫ

Язык (в данном случае русский)

— как средство общения с объектом до определенного момента, когда разом овладеет чем-то типа...

Предмет

— должно встречать вопросом: «А что это?» или, если быть совсем точным и выражаться языком, еще вернее, чем-то типа... то будет выглядеть: «Аве кья?» (Пример).

Явление

События и т. д.

ЛЮДИ КОНЦА ВЕКА

относится и к живописным, и к литературным произведениям. К сожалению, или к счастью, творчество членов этого сообщества не несет на себе внешней печати тревожащей наш европейский ум своей завершенностью и одновременно «недосказанностью» восточной философии. Наверное, это скорее к счастью — буквальное цитирование удел недалеких людей. Ну, а «вкрапления» (иначе не скажешь) слов типа «Брахман» или «карма» производят впечатление скорее поиска изобразительных средств, чем отблеска зарниц над Гималаями.

Я сказала о «вкраплениях» слов. Но не дай бог, кто-то поймет это как метод этих своеобразных художников и поэтов. У них метода нет,

если не считать таковым следование бессознательному. Бессознательное для них — прорыв в высшие сферы человеческого духа. «Радио», логика — это то, что человек «нарабатывает» за время жизни, интуитивное же, подсознательное — выражение, тень опыта всех живших до нас. Только ведь уже был интуитивизм Бергсона, был сюрреалист Бретон с его «Растворимой рыбой» и манифесты сюрреалистов, где черным по белому говорилось о том, что их метод — бессознательное письмо. Выходит, в который раз открываем уже открытое? Крути от камня, брошенного почти семьдесят лет назад, только-только достигли нашей глубины?

Из разговора с «архиереями» (их называют и так).

— Вы не думаете, что все ваши

опыты и работы несколько провинциальны?

— Это типичный пример того, как люди, произносящие одни и те же слова, разумеют под ними совсем разное. Для нас провинциализм означает своего рода варку в собственном соку. Мы же... Да, может быть, мы повторяем чье-то. Но где грань между плагиатом, реминисценцией, парафразом? Во всем мировом искусстве есть пять-шесть тем. И все. Каждый просто проходит их на новом уровне...

И все-таки у «глубинки» есть свои преимущества. То, что в столицах мэтры с остроконечными бородами неядят как набившую оскомину банальность, выдали от них произносятся с дерзким восторгом. И новая мысль действительно становится новой и смелой.

Алексей МЕДВЕДЕВ

«ХОД ПО ЗЕРО»

Да, говоря об искусстве жить.

Все окружающее — как слепой от рождения, на ошупь, и все, что поймешь, абстрагируясь от прошлого опыта, — твое Новое Знание.

Хочешь выразить опыт Нового Знания? В обществе это называется — искусство. Попробуй, не забыв про: «Аве кья?»

Тебе удобнее рисовать пальцем на чайнике, используя вместо красок варенье? Ты увидел, что слова в

стихотворении впечатываются в одну букву, но оно живет?

Ты принял музыку тишины или молчанье за абсолютный звук?

Это твое Новое Знание. Я верю в Него, и тому, что в мире существуют лишь идеи, все остальное — их овеществление.

Принимаю одну, уличаю себя в воровстве, если скажу

Не будь я морально готова к подобному, мне обязательно стало бы страшно, когда услышала, что материализм — это естественный этап развития истории (духовной?) от ошибочных теорий и заблуждений. И роль его, материализма, — вспомогательная.

Мода на запатаж? Но они так не похожи на людей, гордящихся своими знаниями. Они прямо говорят: «Мы только приближаемся к пониманию сути...». И все в их творчестве неожиданно крепко сплетено: искусство, философско-мистические искания («Великих мистиков были единицы. Искусство, религия, мистика: все — откровение»), сны и явь.

Из разговора. — А вы уверены, что «Хроника падающего снега» я увидал у Дали? А может быть, во сне?

Их легко назвать провинциалами, так же как легко назвать гениями.

Но, наверное, не стоит тратить время на раздумья над тем, какое название предпочесть. Главное, что

мое, виздам, спавар — м...
...Сотворение индивидуального мира — дело новое. Меня при этом всегда мучил вопрос о разрушении. Не слишком ли круто задаваться неосуществимой целью, стирать с лица памяти все знание о себе и о мире? Это вандализм!

Этот вариант держится на компромиссе. Весь объем опыта сохраняется в совокупности, с опытом индивидуального познания. Познания отстраненного, напоминающего медитацию.

Сосредоточиться на одном (предмете и т. д.), остальное рассеяно, его как бы нет, боковое зрение дает новый вид на предмет. Читает, Новое Знание

они уже есть. Это хорошо. Это тревожно: может быть, не будем спешно объявлять их величайшими талантами или простыми перемешивателями, а назовем их так — люди конца века, кем, наверное, они сами себя чувствуют.

Но что же здесь тревожного? Тревожно все вокруг: время, приближающееся к очередному своему перевалу, грозовой воздух.

Но жизнь тревожная становится жизнью «здесь» и «там», в забытом Зазеркалье искусства. Неподвластная логическому разделению, она становится синтезом всех духовных составляющих человеческой жизни: искусства, философии, мистики...

Осупшая каждый свой шаг, как шаг по тонкому лучу между временами, между отражением и явью, живут люди конца века. Сейчас мы все принадлежим к их числу. Просто кто-то чувствует это острее.

И хорошо, что они есть. Они могут, по меньшей мере, рассказать об этом остальным. А это уже много.

Ольга САМОИЛОВА.

Виктор ЛУКЬЯНЕНКО

Имя биография молодого поэта укладывается пока в несколько строк: родился в 1961 году, закончил школу, служил в Советской Армии. Сейчас работает слесарем в производственном объединении «Ревтруд».

Свои первые серьезные стихи Виктор написал в армии. Чуть позже появились стихи об Афганистане — там служили его друзья. В Лукьяненко стал лауреатом конкурса военно-патриотической песни «Дороги Афганистана».

У В. Лукьяненко уже есть публикации — он печатался в нашей газете, в коллективном сборнике «Свидания» молодых поэтов Черноземья.

Замер ветра в миноре аккорда,
Струны волн растворились в реке,
На зазубренный леса забор
Село солнышко, там, вдалеке.
...Миг еще, и кусты — без теней,
День подводит свершеньям итог,
Над раздумьем латунных полей,
Над морщинами пыльных дорог.
От жары не осталось следа...
Я с улыбкой на берег смотрю —
Пыют коровы, совсем как всегда,
Деловито, парную зарю.
Разбежусь, и с обрыва нырну
В отраженный небесный поток,
С таянью брызг розоватых сплуну
...Я ною на темный платок.

Рассветным,
Что легли по грудь
Вуалью млечной.
А кругом
Родная и зветная
Даль,
И степь, как воля,
Бесконечная...
Месяц скрылся
Тучи тень,
Нечаянно,
Кони у воды
Встряхнули гривами,
Где-то кобылица ржет
Отчаянно —
Жеребенка нет ее
Жривого...

Загляделся месяц
В речку сонную,
Замечался, видно, —
Не торопится
В небе одинокий,
И давно ему
Жеребенком рыжим быть,
Так хочется...
Долго ли грустит,
Кругом непонятый,
Над тихоней-речкой,
Да над соснами,
А ему б хоть раз
Попить из омута,
С табуном промчат
Лугами росными,
Проскакать туманами

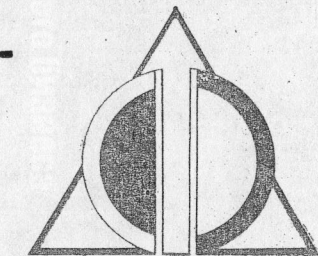
Марина КУРНИКОВА

Марина Курникова живет в Мучкапском районе. В этом году закончила семь классов. Она пишет стихи, хорошо рисует акварелью. Большинство героев ее рисунков персонажи прочитанных книг. Но наиболее любимое занятие Марины — поэтическое творчество. В ее строчках, порой неопытных, много искренних чувств, откровенность открытой души.

Впервые стихотворения Марины были напечатаны в детской страничке «Литературного Тамбова».

А. АКУЛИНИН.
Природа музыкой полна
От облаков и до земли,
От чистого речного дна
И до желтеющих хлебов
вдали —
Природа музыкой полна!
Вот флейта иволги звучит
На вербе около ручья;
В саду черешневом звенит,
И каждый лист поет в лесу.
Сорвав травинку у реки,
Я музыку в руке несущ...

Козодой поет, не водяной,
Но хочу чудес я в новолуние,
Озаренном голубой луной.
Чтоб меня с царевичем Иваном
Мчал по кручам златогривый конь:
Над рекой, окутанной туманом,
И над замком, где горит огонь,
Чтоб избушка стала к лесу задом

И открыла двери предо мной,
Я вошла б. на лавку села рядом
Со старенькою Бабою-Ягой...
Знаю, нет чудес на белом свете:
Оттого, наверно, грустно мне...
Новолуние тает на рассвете,
Исчезает сказка, как во сне...

Вы — приверженец метафорической поэзии? Вы считаете себя равным Парщикovu и Арабову или даже более значительной фигурой в литературе?

Вы предпочитаете традиционализм? Вы думаете, что после Пушкина и Смелякова поэтов больше не было?

Или вы сторонник прозы? Но вы же не думаете, что в ней есть только Пиккули или только Хемингуэй, да и те — не у нас?

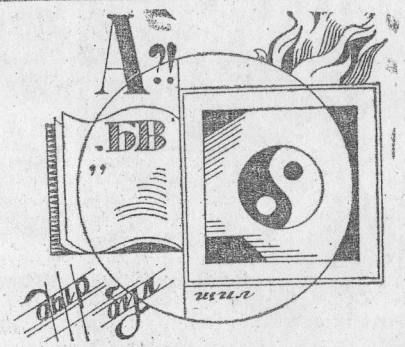
Вы отвечаете «да» на все эти вопросы — и значит, наше обозрение, первый выпуск которого вы держите в руках, — это как раз то, что вам надо.

Здесь вы познакомитесь с творчеством традиционных и нетрадиционных поэтов и прозаиков, сможете поспорить с ними и между собой. Читая обозрение, вы узнаете, что у нас нет ни Хемингуэев, ни Пиккулей, но есть свои интересные авторы.

И если вы пишете стихи, рассказы, задумываетесь над тем, что и как пишут другие, — у вас есть шанс оказаться одним из наших авторов.

А пока — мы представляем материалы первого номера.

ПЕРВЫЙ ВЫПУСК НАШЕГО ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБОЗРЕНИЯ
ВЫХОДИТ В СВЕТ БЕЗ НАЗВАНИЯ.
МЫ ХОТИМ ВЫБРАТЬ ЕГО ВМЕСТЕ
С ВАМИ, НАШИ ЧИТАТЕЛИ.
ИЩИТЕ, ФАНТАЗИРУЙТЕ, ПРЕДЛАГАЙТЕ!

Доктор филологических наук
профессор Н. Г. БЛОХИНА
о русском языке

«ЛЮДИ КОНЦА ВЕКА»
У НАС В ГОСТЯХ —
литературная студия «Слово»
СТИХИ МОЛОДЫХ АВТОРОВ

НОВОЛУНИЕ

Замирают пни в волшебной пляске.
Как колдуньи в ведьмино кругу.
Водяной — коряга точно в сказке.
К берегу зовет Бабу-Ягу.
Знаю, это пни, а не колдуньи;

ЗВОНИТЕ: 3-53-56.

ПИШИТЕ: 392602, г. Тамбов, пр. им. 50-летия ВЛКСМ, 14,
«Комсомольское знамя».

ЗАХОДИТЕ: г. Тамбов, пр. им. 50-летия ВЛКСМ, 14, Дом печати, 5-й этаж, комн. 49.

ВДОХНОВЕНИЕ, творческая деятельность человека, помогающая ему овладеть силами природы, устроить жизнь на началах социальной справедливости и разума — что, как не это, есть содержание гуманизма в современном понимании? Но это еще и содержание культуры. В том числе и культуры языка.

Сейчас мы говорим о дефиците гуманизма. С такой же болью можно говорить и о недостатке языковой культуры. Тема культуры языка, желание показать, хотя бы частично, самобытность и красоту его — таковы цели этих размышлений.

Говоря о величии русского языка, нельзя не сказать о небрежном отношении нас, русских, к родному языку. Следует назвать две «болезни», которые наблюдаются в русском языке, вернее, у народа — носителя русского языка.

Первую «болезнь» хорошо проиллюстрировал Ч. Айтматов в романе «Плаха». Герои его произведения — русские — объясняются между собой нецензурными словами. И самое страшное, что такой языковой «болезнью» заражена молодежь. Наостановив троллейбус услышала разговор двух молодых людей (следует заметить, что внешне они выглядели очень привлекательно). За две минуты, пока мы стояли на остановке в ожидании транспорта, они сказали друг другу 35 слов, из них 28 слов были нецензурными.

Вошли в троллейбус. Я подхожу к ним и делаю замечание. Следует ответ: «Подумаешь, сейчас так говорят все...».

И действительно. Прислушайтесь внимательно к устной речи молодежи и людей, умудренных жизненным опытом, вы услышите, как они общаются между собой... А в свое время А. В. Луначарский настаивал судить за каждое употребленное нецензурное слово так же, как за хулиганство.

Второй «болезнью», на мой взгляд, является неумеренное употребление иностранных слов. Очень обидно, что иностранные слова проникли в речь тех, кто должен нести языковую культуру в массы.

Чтобы не быть голословной, приведу пример. Разверните «Литератур-

ную газету» за 1 ноября этого года на четвертой странице, где Владимир Шапошников дает анализ произведений, вышедших в последнее время в разных журналах. Статья безусловно интересная, написана на хорошем литературном уровне, но и в ней вы встретите такие слова, как «номенклатура», «референт», «фаворит», «статус-кво», «презент» и т. д.

МЫ И НАШ ЯЗЫК

ПРОФЕССОРСКАЯ КАФЕДРА

Все эти иностранные слова имеют равнозначные в русском языке. Но нет, надо отдать дань «моде», рассеять в тексте «загадки слов». Это отпугивает, делает печатное недоступным массовому читателю.

Очень обидно за нас, русских. Где же национальная гордость? Ведь каждое слово — повесть, а фразеологизм — целая история народа.

Вместе с пониманием великой силы слова приходит и чувство ответственности перед языком. Недаром многие писатели и поэты, люди, особенно тонко чувствующие слово, в своих размышлениях говорят о его громадной силе, способны поднять людей на борьбу, принести человеку радость или горе. «Я знаю силу слов, я знаю слов набат», — говорил В. В. Маяковский. Поэтому должно быть и чувство ответственности перед обществом, перед народом за каждое сказанное или написанное слово. Со словом шутить опасно... «Слово — не игрушка, а великое оружие жизни», — говорил В. Г. Короленко.

В слове отражается жизненный путь народа, его судьбы на протяжении многих эпох. Слово ценно нам, как потемневший осколок из древнего кургана, как заветные прошлых поколений, перешедшие в нем свой исторический опыт, как действительное наследие, призванное обеспечить общение людей друг с другом в наше время и в будущем.

Много занятого могут показать наблюдения над самыми обыкновенными, повседневными словами. Эти слова часто имеют весьма солидный возраст, в них запечатлелись детали быта еще Древней Руси.

Например, почти все письма мы заканчиваем привычным «целую». Что стоит за этим словом? Трогательный обряд целования при расставании и встрече близких людей связан с пожеланием здоровья (так же, как желили его, произнося слово «здравствуй»). «Целовать» — желать быть целым, т. е. невредимым, здоровым. В древнерусском языке этот глагол имел значение «приветствовать».

Откуда взялось слово «тунеядец», которым называют всякого, кто хочет прожить нечестным путем, за счет других, за счет общества? Это старинное и очень точное, выразительное слово. Тунеядцы — люди, которые едят «туне», т. е. зря, даром, не заслужив этого своим трудом. Сквозь века прошло это слово, клеймящее дармоедов.

Слова — самые разные, и все они несут в себе частичку исторического опыта прошлых веков. Но не только о прошлом свидетельствуют слова. Они обозначают понятия и явления, важные, актуальные для наших дней (иначе бы они не сохранились).

Как видим, язык всегда следует за обществом, отражает его жизнь. Язык — это очень важная составная часть общей культуры народа. А без общей культуры человека не может быть и нравственности.

Снижение языка в ой культуры — показатель снижения общей культуры и утраты важных нравственных устоев общества. Залогом сохранения чистоты любого языка, в том числе и русского, на мой взгляд, является поворот к возрождению народных традиций, обращение к устной народному творчеству, к образцам классической литературы, к тем истокам, которые творят русский народ — его тело и душу.

Н. БЛОХИНА, доктор филологических наук, профессор.

Наш автор, Мина Георгиевна Блохина, не только профессор, но еще и очень внимательный человек. Она читает книги, сочинения абитуриентов, слушает выступления на собраниях. Оказывается, там можно прочитать и услышать очень много забавного и смешного.

Перечитайте еще раз свое сочинение или текст доклада. Может, и там есть

ЯЗЫКОВЫЕ КУРЬЕЗЫ

1. Из выступления лектора — медицинского работника: «Товарищи врачи, медсестры! Не отмахивайтесь от больных, доводите их до конца».

2. Выражение, подслушанное на занятиях в политкружке: «Это время нам дорого тем, что страна заполнилась в те годы огромными жертвами».

3. Или еще: «Рабочий поселок привести в сносный вид», «Этих людей надо высечь на камне».

Н. БЛОХИНА, доктор филологических наук, профессор.

Владимир МАЛЬКОВ

Едва видны хитросплетенья вен, И тихо бьется пульс — сигнал сердечный.

Он еле слышен, он приговорен Быть эхом и надеждою конечной, Пронзающей измученную кисть. А я, его приняв у сужокилий, Хочу понять, насколько сильно жизнь

Благоволит к принятию усилий. И даже не усилий, а борьбы. За выход из хаоса в однозначность. За упрощение линии судьбы, За радость понимания задачи.

Оставляю позади свой контур, Стравив в покинутых шагах, Длинную пресекую на полдень, С пояснением в нескольких словах, Что живут в условиях неволи, Составляя многозначный слог,

В моем доме одно окно, За окном — пейзажа основа, Гаражи и дощатый забор — Каждый день повторяется снова. Как основа, торчит труба, Вышеей точкой предопредела. Как основа — моя судьба, А быть может, как приложение.

В последнее время в разных изданиях много пишут о летающих тарелках. Однако большинство авторов склоняются к мысли, что это плод, так сказать, досужей фантазии. Ход их рассуждений таков: раз согласно современным законам, их не должно быть, значит, их нет.

Но признаюсь, раньше я верил в эту самую дребедень.

Все-таки интересно. Бывало, глядишь в окно, если по телу нет кино, и мечтаешь. И будто наяву видишь — опускается во двор круглый со всех сторон предмет, открывается люк, и туда тебя зовет этакая симпатичная знолонавочка. И т. д., как говорится, и тому подобное.

Однако теперь я подкован в данном вопросе и вообще фантазии бросил. И вообще — вовремя раскусил, что к чему.

Но по порядку. В свободное от телевизора часы я частенько навещаю по грибы в близрасположенный лесок. И вот как-то раз иду я тихонько между его деревьями, радостный, что, слава богу, никакие НЛО больше нет, и никто не помешает мне. И вдруг, словно нарочно, вижу: на поляне

Предназначенья, что вложит в плоть,

Всевластная, всеумудрая природа. И я хочу мгновенья расколоть, И истину извлечь из масс породы. Я, как старатель, промываю грунт, По пою в ледяном непонимании. И грязь стекает с утомленных рук. На сферу утомленного сознания. Но вера, что застыла на лице, Не хочет отступить и оступиться. И узник в обреченной скорлупе, Еще невидим, но уже стучится...

Обнажив мучительные боли В области рождения стихов, Бесконечных, хрупких параллелей, Где прикосновение — как миг ^Срастного желанья измерить Величины, вложенные в них...

Двух берез отпечаток в стекле, И пятно улетающей птицы. Только нет ничего, что вне Страстного желанья измерить! Если только разбить стекло? Но, я думаю, не сумею. Есть одно роковое но — Очень страшно поранить шею...

Вадим СТЕПАНОВ

НЕ ПОНЯЛИ

стом или лежит здоровая такая тарелка, а рядом гоняются друг за другом зеленые чертики.

Честно говоря, я сразу хотел дать стрекача. Знания знаниями, а кто скажет, что у них на уме. Но пока я соображал, они уже окружили меня, и азвяхи под руки, повели к этому своему столу. Я сразу испугался еще сильнее. Что они хотят со мной сделать? Оказалось, что трюслик зря. Знаками попрощай обождал, чертики юркнули внутрь корабля, а вместо них вскоре появились обычные люди.

И тут, когда память вернулась, до меня дошло. Да никакие это не знолонавы, ученые же давно доказали, что их нет. Мне стало стыдно: поверил глазам, а не науке.

«А», — наконец догадался я, — значит мы на съёмках какого-нибудь фильма — научного или фантастического».

«Мы трансформировались, чтобы легче было узна-

— А где прячете аппаратуру, киношники? — заинтересовался я.

«К разуму обращаться бесполезно. — донесся до меня возмущенный шепот мужчины, обращенный к товарищам, — попробуем воздействовать на эмоции. И здесь они снова исчезли.»

Первой в виде русалки возникла женщина. Лежа у моих ног, она кокетливо ударла по ним хвостом. Из-за ближних кустов выглядели двое лесных — пожилой и молодой. «Ура! Цирк! Кино!» — зарорал я, громко хлопая в ладоши.

И видения сразу испарились... Почему-то хмурые, зеленые они в свою тарелку. Даже не попрощавшись со мной. Наверное, такой сценарий.

Взрвали двигатели, и в воздухе поднялся столб пыли. Вскоре ракета превратилась в точку, а потом вовсе исчезла. Кино кончилось.

Довольный, возвращался я домой. Без грибов, но полный впечатлений.

...ТЕЛЕГРАММА: «Летим дальше. Планету населяют роботы, действующие по непонятной нам программе. Контакт установить не удалось.»

Энлонавы